

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
- ДУХ СОЗДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С О Д Е Р Ж А Н И Е .

- 1) Первое Мая 1921-го года.
- 2) Заявление Ан.—Ком. перед судом.
- 3) Орг. насилие, или диктатура в революции.
- 4) Равенство Братство и Любовь.
- 5) Непокорный раб. (Стихи).
- 6) Анархисты и Социалисты.
- 7) Связь повседневной борьбы с борьбой за идеал.
- 8) Иностранное обозрение Большевизма.
- 9) Первый Американский Анархист.
- 10) Анархе—Коммунизм.
- 11) Корреспонденции.
- 12) Отчеты.

ПЕРВОЕ МАЯ 1921-ГО ГОДА.

— 0 —

Весна... Благодатное солнце растопило белый снежный саван, окутывающий зачоченевшую землю.

Ожило, зашевелилось миллионами жизней холодное тело под ласкающими лучами, и из всех пор его стала весело выглядывать бодрая юная зеленая жизнь. Зарождалась новая, пробуждалась заснувшая, воскресала умершая. Все тянулось к свету—солнцу, стараясь обогнать друг друга, радостно расправляя зеленые лепестки. Яркими цветами красит их раскудрявленные головки щедрое на ласку солнце... Тощие, ободранные, безприютные деревья, уныло и слежливо глядевшие на душивший и леденящий их кровь, снежный ковер; угрюмо качавшие облезлыми макушками под ударами северных ветров; холодные и замкнутые—не могут устоять против все воскрешающей ласки, их почки надуваются и лопаются под напором страстного желания жизни, и оттуда веселой толпой выступают зеленые сочные листья: органы чувств, дыхания; а потом и цветы—органы плодотворной любви. Лес шумит... Пробуждаются от зимней спячки насекомые и звери, прилетают с юга перелетные птицы. Лес шумит и гудит... Ненасытная жажда жизни, любви и ласки струится в воздухе, упоенном благоуханием цветов, полным чудных песен и звуков.

Любуется солнце на творимые чудеса, волнуется от наполняющей его радости, быстрее бежит по небу, выше и выше взлетает оно, жаром и зноем страсти дышит оно на цветущую землю. Но... почему вдруг затуманилось ясное?

Почему резко выступили пятна гнева на его лице,—тоскою и болью повеяло кругом?—Оно увидело человека—людей; оно увидело громадные, грязные, смрадные пятна—города... Человек, кичливо назвавший себя царем природы, нарушал общую гармонию природы. Выковыная орудия порабощения природе, человек сам сделался их рабом! Громадная часть их являлась рабами, жалкими, голодными и безсильными, растерянными бродившими по земле, взывающими к небу; увешанные тряпьем, невзрачные, унылые, больные идут они робкой толпой просят милости у другой малой части—тиранов, которые, при первой попытке на "грубость", при покушении на "их" добро, как звери нападают и растерзывают дерзких. В руках тиранов громадная сила государства, исполнителными орудиями которого являются купленная, или же приневоленная, часть громады угнетенных. Полиция и войско помогают насильникам—утверждать их право, подчинять всех их закону.

Темна, мрачна, удушлива и залита кровью прошлая жизнь этих поздних припильцев, осмелившихся вступить в борьбу с всемогущей природой. Все силы природы были враждебны им, все пугало их и, даже в себе подобном, они видели врага. Убийства и истребления внутри своего вида, неведомые у других животных; порабощение, закрепощение и безстыдная эксплуатация и насилие во всех его видах—вот история человечества. В наше время все, что может быть использовано для нужд

человечества—в рука тех, кто лично не создают ценностей, и являются паразитами на общественном организме. Трудящиеся насильственно лишены возможности прилагать свою энергию к орудиям производства, пользоваться тем, что дает сама природа. Зима была страшна для первобытного человека, ибо природа, богатством которой он беспрепятственно пользовался, оскудевала плодами и живностью; но еще ужаснее положение рабов современного общества, которые видят перед собой средства и орудия производства, но силой других и своей глупостью удерживаются от пользования ими, которые, видя за стеклами магазинов все, что им нужно, что может удовлетворить их страдания, не смеют протянуть руку и взять свое себе. С развитием капитализма, не говоря уже о все ухудшающемся положении рабочих зимой, промышленные кризисы становятся постоянным и регулярным явлением и повторяются в последнее время чуть не каждые 6, или 7 лет. Страшны эти кризисы для рабов,—ибо выброшенные с работы, они мрут от голода, холода и болезней. Кризис 1884—85 годов, дал толчок американским рабочим организовать свои силы для борьбы с могучим врагом—капиталом. Началась пропаганда 8-ми часового рабочего дня и идеи всеобщей забастовки. Не на шутку перепуганная буржуазия готовится к борьбе, стягивая солдат, милицию и сыщиков в промышленные центры; а рабочие открыто куют оружие, готовят бомбы на своих угнетателей. В городе Чикаго, в виду присутствия Анархистов в рядах рабочих, борьба принимает особенно ожесточенный характер. Рабочие не могут дольше переносить щемящей нужды; капиталисты еще не знали новейших методов эксплуатации благодаря которой они могли бы выжимать из рабочих за 6, или 8 часов более нежели за 10, или 12; кро-

ме того они решили дать урок "мятежникам". К 1-му мая, 1886 года в Чикаго более 40.000 рабочих бастуют, а во всей стране около 400.000. Идея всеобщей стачки воплощается в жизнь. Собрания бастующих и безработных разгоняются полицией; падают жертвы... 4-го Мая, вечером, на Сенной площади, в Чикаго собрался протест митинг, против убийства 6-рых товарищей и поранения многих накануне, 3-го мая, при разгоне собрания. Спокойствие отчаяния, тишина перед бурей царит на митинге. Уже около 10 часов; накрапывает дождь и толпа расходится... Как, вдруг, на оставшихся наскоро хватает отряд полиции! Но прежде, чем они успели повторить свою кровавую расправу, в их среду летит бомба, которая разметывает весь отряд, убив одного, смертельно ранив 6 и поранив более 30-ти. Кто ее бросил: рабочий-ли, в порыве отчаяния и самозащиты, или провокатор, чтобы дать волю произволу наемных псов капитала, узаконить его—не выяснено и до сих пор. Но виновника не ищут! Арестуют самых деятельных организаторов забастовки пропагандистов, ораторов—Анархистов: ибо они писали воззвание, они говорили о необходимости вооруженной всеобщей забастовки, они убеждали и предлагали покончить раз навсегда с правительством и экспроприировать фабрики и заводы. Имуций и правящий класс знает своих непримиримых врагов!

Судебный процесс—комедия затягивается, по приговору уже вынесен за ранее. "Виноваты они, или нет, — но Анархисты должны быть повешены!" так выражает мнение власти начальник полиции. Когда суд вынес смертный приговор семерым из восьми арестованных товарищей, злорадству и безчеловечному издевательству капиталистической прессы не было границ. "Заказана ве-

ревка на которой повесят Анархистов.“ — “Жены Анархистов пьют им саваны для виселицы! — так захлебывалась неприличная проститутка печатного слова.

Не смотря на протесты рабочих всех стран, на петиции с сотнями тысяч подписей, 1-го Ноября, 1887-го года, чет веро из осужденных Анархистов: Шпис, Фишер, Энгель и Парсон, которые гордо требовали “свободу, или смерть,” были повешены, двоих “помиловали”, заменив смертную казнь пожизненной каторгой, а один, Линг, обманул ожидание развлечения кровавых убийц и, как протест против насилия, взорвал свою голу с сигарой с гремучей ртутью накануне казни-убийства. Анархисты говорили на суде, возражая на обвинение в заговоре против правительства и взрыва: **“Анархизм означает: мир и довольство для всех. Анархисты с удовольствием отказались бы от всякого насилия. В современном строе насилие практикуется всеми. Мы же советуем угнетенным употреблять насилие против насилия, и только против насилия, как необходимое средство защиты.”**

35 лет прошло со дня 1-го мая 1886 года, когда рабочие “обнажили” в “свободной” стране своих злейших врагов: хозяев и правительство, когда, кровью своей написали нам завещание непримиримой борьбы до полной победы, и лучшие из них скрепили его своей смертью. **“Смерть или свобода,”** был их клич **“Наше молчание в гробу,”** воскликнул Шпис, когда ему надевали петлю, **“сделает больше, чем наш голос, который вы теперь душите!”**

С года их смерти, в день 1-го Мая, сознательные рабочие всех стран, отказываются быть эксплуатируемыми, бросают работу, собираются вместе и считают свои ряды—свои силы, считают свои раны; и, вспоминая вековое угнетение, видя несправедливость в обществе настоящего времени, сердца рабов наполняют

ся ненавистью ко всем паразитам и насильникам. Все кругом празднует: земля приделась зеленым покровом, испещренным цветами, воздух чист, прозрачен и наполнен благоуханием, и лишь рабочие не могут назвать ни 1-ое Мая, ни весну вообще, своим праздником, ибо уколы нужды и нищеты чувствуются острее всего и больней, именно, весной. Сытые и довольные, буржуаз-социалисты, считают 1-ое Мая праздником, ибо для них митинги и “демонстрации” (парады) с позволения правительства, являлись и являются весьма любопытным “развлечением”. В Советской России Коммунистическое Правительство именует его Праздником Труда; рабочие приглашаются в этот день помочь экономическому возрождению страны, и праздновать его трудясь добровольно и... бесплатно. Их логика понятна: они хотят сказать, что борьба рабочих уже закончена, что Правительство (да! Правительство “Коммунистическое!”) делает все нужное и примет меры к осуществлению Свободы, Довольства и Равенства. “Свобода” с Правительством, довольство вечного скота, употребляемого на работу по воле того же правительства, равенство начальника—власти теля с подчиненным—подвластным!!! Какое злобное издевательство! Анархисты, уловившие смысл движения 1887-го года, понимают день 1-го Мая, как День Борьбы, Великий День проявления народного гнева против угнетателей, День разрушения основ рабства и начала беспощадной борьбы до полного освобождения трудящихся!

Много различных путей к свободе испробовали рабы, но боязнь новизны инстинктивный страх неизвестного, мешали им сделать смелый шаг вперед и решиться, порвать со старым. Всегда после возстаний или Революций, оставалась “лазейка” для хищников поработать своих братьев в какой-либо

форме. Этими лазейками являлись: **Религия, Собственность и Власть**—первоисточники всех зол человеческих обществ; и только, когда они будут уничтожены в корне, человечество вздохнет легко и свободно. "Лучшее средство против голодающих это—класть им в пищу мышьяк," нахально и безстыдно писала желтая пресса 1887-го года. Лучшее средство избавиться от порабощителей

и тунеядцев это—прекратить производство, возстать с оружием в руках и отнять все народное богатство из рук грабителей,—говорим мы.

Да здравствует Социальная Революция.—уничтожающая рабство. Да здравствует. Анархо - Коммунизм,—дающий нам равенство и довольство!

Да здравствует Анархия!—символ Свободы.

—0—

ЗАЯВЛЕНИЕ АН. КОМ. ПЕРЕД СУДОМ.

ПОЧЕМУ МЫ АНАРХИСТЫ?

В 1883-м году в г. Лионе (Франция) 60 анархистов, большинство рабочие, привлекались к суду за участие в Международном Обществе Рабочих. Полиции удалось арестовать только 47 ч., остальные скрылись. В то время, как подсудимые находились под следствием, буржуазия распространила про них всякого рода небылицы. На это они ответили на суде нижеприведенным заявлением. Под заявлением—47 подписей, между ними находятся подписи П. А. Кропоткина, Э. Готье и др.

ЗАЯВЛЕНИЕ АНАРХИСТОВ ПЕРЕД ЛИОНСКИМ ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ СУДОМ.

Что такое анархия? что такое анархисты?—мы сейчас скажем. Анархисты, м. г. это граждане, которые в век повсеместной свободы мнения сочли своим долгом заговорить о безграничной свободе.

Да, м. г., нас несколько тысяч в мире, быть может, несколько миллионов—у нас нет другой заслуги, как говорить громко о том, о чем в тихомолку думают массы,—нас, несколько миллионов рабочих, требующих полную сво-

боду, всю свободу, только свободу!

Мы хотим свободы! Мы требуем для каждого человека право и возможность делать все, что ему нравится и только то, что ему нравится. Мы требуем для него право и возможность удовлетворять полностью все свои потребности без всяких других пределов, кроме тех, которые ему ставят физическая невозможность и потребности его близких, заслуживающие такого же уважения, как и его собственные потребности.

Мы хотим свободы, и мы думаем, что ее существование не совместимо с существованием какой бы то ни было государственной власти, каково бы ни было ее происхождение и ее форма: будь она избираема или навязана, монархическая или республиканская; покоится ли она на божеском праве или на праве народа, на миропомании или на всеобщей подаче голосов.

История нас учит, что все правительства походят друг на друга и стоят друг друга. Самые лучшие являются самыми худшими. У одних больше цинизма, у других больше лицемерия! У всех один и тот же язык, везде одна и та же нетерпимость. даже самые либеральные на вид и те хранят про запас в пыли старых законов какойнибудь ловкий за-

кончик против Интернационала, чтобы применить его при случае к своим неудобным противникам.

Другими словами, в глазах анархистов зло заключается не в той или иной форме правления, а в самой идее правления, в самом принципе власти.

Одним словом, правительственная, предписанная законом опека, навязанное подчинение должно уступить место свободному, постоянно пересматриваемому, изменяемому договору. Таков наш идеал.

Анархисты, следовательно, хотят научить народ обходиться без правительства также, как он научается уже обходиться без бога.

Народ научится также обходиться без собственников. В самом деле, злейший тиран не тот, который морит вас голодом; не тот, который хватает вас за шиворот, а который бьет вас по желудку.

Нет свободы без равенства! Нет свободы в обществе, где капитал монополизирован в руках уменьшающегося с каждым днем меньшинства, где нет ни малейшего равенства в распределе-

нии чего бы то ни было. Даже общественное образование обеспечено не для всех, хотя все принимают участие в расходах на его содержание.

Мы думаем, что капитал общее наследие всего человечества, потому что он — плод деятельности прошлых и настоящих поколений. Поэтому он должен быть в распоряжении всех. Никто не может быть лишен права им пользоваться. Никто не может завладеть частью его в ущерб остальным. Словом мы хотим **“Равенства”**, фактического равенства, как завершения или, вернее, — как предварительного условия свободы.

От каждого человека по его способностям, каждому по его потребностям. Вот к чему мы искренне и энергично стремимся. Вот что будет, т. е. нет такого предписания, которое одержало бы верх над требованиями, одновременно и справедливыми и необходимыми. Вот за что нас хотят опозорить.

И за то, что мы требуем хлеба для всех, работу для всех; за то что мы требуем для всех независимость и справедливость, нас обзывают злодеями!

Организованное насилие или диктатура в революции.

“Будущее общество представляется нам в форме свободного сотрудничества людей, без принуждения, насилия и без власти. Ибо только такое общество, сохраняя все преимущества кооперации перед единичной деятельностью, в то же самое время предоставляет и неограниченный простор для всестороннего развития человеческой личности. Поэтому наше отрицательное отношение ко всем

другим течениям в общественной мысли, в построениях которых будущее не разрывно связано с большей или меньшей мерой насилия и принуждения — является совершенно естественным и понятным. Но отсюда, конечно, еще далеко до того вывода, что мы, отрицая всякое насилие в будущем, в силу этого же и потому — должны относиться столь же отрицательно и ко всякой насильственной

форме борьбы, за это будущее в настоящем.—Как раз наоборот! Мы прекрасно сознаем, что уничтожение современного порядка вещей, со всеми присущими ему видами рабства и угнетения, поддерживаемых всей силою и могуществом законов, судов, армии, полиции, суеверий и предрассудков, церкви и государства, одним словом - всеми устоями капиталистического общества - может быть сделано не иначе, как только революционно - насильственным путем, только путем гражданской войны и вооруженного восстания. И нужно заметить, что как раз в этих пунктах—среди теоретиков революционного анархизма царит полнейшая гармония и единодушие:—Старый мир нищеты и насилия хотим мы разрушить до тла, и создать новый мир—мир труда и свободы.“ говорит Новомирский (Из Прог. С. Ан. стр. 110) ”Революция—детище эволюции, роковой фазис ея; от себя прибавим, что они кроме того необходимы для спасения человечества от регресса, к которому его ведет буржуазная эволюция.“ Ж. Грав (Б-е О-во стр. 73). ”Только социальная революция может освободить трудящихся“... ”Под словами: Социальная революция, мы понимаем вооруженное восстание для разрушения современного строя“. Карелин (Оч. Пол. Экон. стр. 154). ”Чувствуется необходимость грандиозной, неудержимой революции, которая разрушит экономический режим, основанный на эксплуатации, спекуляции и обмане, и политическую организацию, построенную на господстве небольшой кучки, (Р. Бу-ка стр. 16). Для Бакуни на— революция была исторической необходимостью. Можно было бы еще привести многое множество такого же рода выдержек из литературных трудов выше упомянутых деятелей анархизма, но мне кажется, что уже и этих вполне достаточно для того, чтобы помочь различного ро-

да толстовцам, ”непротивленцам злу“ и прочим глубокомысленным противникам, заблудившимся по неведению ”или слепоте духовной“ в глубине революционного и, потому, чуждого им анархизма, выбраться на покату и более подходящую для них дорогу мирного реформаторства и апортюнизма...

Но если признание необходимости насильственного переворота является для нас несомненным в анархо - коммунистическом учении, то, с другой стороны, на вопросы: в какой форме, кем и как это революционное насилие должно быть применено - непосредственно мы не находим прямого и точного ответа. Имеются некоторые общие предначертания наступательного хода социальной революции—но они так тесно связаны с представлением о ней, как о революции общей - мировой, что вне этого последнего определения—они не имеют для нас никакого значения. ”Идеи анархического коммунизма проникнут в сознание масс и привлекут их на свою сторону. Тогда **меньшинство**, поддерживаемое народом, подымет красное знамя восстания. вспыхнув почти одновременно во всех **концах мира**, препятствуя учреждению кокого бы то ни было правительства, могущего задержать ход событий, революция будет свирепствовать до тех пор, пока не исполнит своей миссии: уничтожения частной собственности и государства. в этот день **меньшинство** станет **большинством**.“ Так говорит П. Кропоткин (Р. Б-ка стр. 80) Конечно - все это хорошо и возможно, но только при условии, что во -х) созидательное меньшинство правильно, почти непогрешимо верно, учтет самый подходящий момент для восстания, во 2-х), что - революция будет **всемирной** и, в 3-х), что меньшинство, в силу самого широкого распространения своих идей преобразуется в большинство. ”Револю-

ция не может быть делом одной нации, и не должна локализоваться в одном месте. Чтобы победить — она должна быть интернациональной. Таковы, по Жан - Граву, необходимые условия успеха социальной революции. (Б-е О-во ст. 40). Но допустим даже, что все это произойдет именно так, что все условия обеспечивающие ее успех—имеются налицо, спрашивается: каков будет характер деятельности этого, все увеличивающегося в своих размерах, революционного меньшинства в промежутке между началом и завершением революции, т. е. в самом процессе социального переворота? ”Вооруженные отряды повстанцев истребляют возможно полнее всех врагов рабочего класса, огнем и мечем уничтожают все реакционные элементы... стараются расперить революцию до крайних возможных пределов“ (Новомирский Из Пр. С. А. стр. 129) Предполагается, очевидно, что возставшее меньшинство будет действовать по **определенному плану**, в который существенным элементом будет входить не только **организация. производства** ”на новых началах - равенства и братства“, но и координация революционных усилий в направлении хотя бы—”расширения революции до крайних возможных пределов, или иначе говоря: **организация насилия на основе добровольной спайки изнутри, для проявления - извне**, для принуждения, подчинения и, да же, уничтожения всех несогласных с ним, всех активно - недовольных идеями революции—а это и есть ”диктатура“ пролетариата в революции (под пролетариатом я подразумеваю не только городских рабочих, но и ту часть мало земельного крестьянства, которая не пользуясь чужим трудом питается плодами рук своих“). Возможность такого определения организованного насилия в революции или воли возставшего про

летариата (”меньшинства“) — уже предвиделась Новомирским и с достаточной яркостью была высказана им в следующих словах: ”Если всякую теорию насильственного переворота в общественных отношениях называть диктатурой, то мы самые страстные защитники диктатуры, но не кучки депутатов, а широких масс пролетариата, и не в парламентах, а на улице, мы единственные последовательные защитники действительной, а не фиктивной диктатуры.“ (Из Пр. С. А. стр. 125). И это все, конечно, еще при том радужном представлении о социальной революции, как о чем то, в своих чередующихся событиях, заранее согласованном с безвластными планами и стремлениями восставшего меньшинства, ну—а если мы допустим, что такой согласованности и соответствия в действительности — нет, что возставшее меньшинство не сумело привлечь к активному содействию революционному делу не только **всемирного** большинства, но даже и большинства того национально - территориального общества к которому оно само принадлежит—что тогда? Неужели придется оставить всякую мысль о возможности переустройства общественной жизни на ”новых началах“ и вернувшись на старые позиции—ждать, пока это стереотипное большинство не ”прозреет“ и не скажет своего веского слова? Да и возможен ли возврат к старым позициям?—”Не нужно было начинать“. ”Нужно было подготовиться“... и т. д. и т. д.—Так будут болтать без передышки ”революционные“ филистеры всех толков и направлений,—но мы знаем, что они всегда так говорят; трусливые до неспособности мыслить они только повинуются велению своего внутреннего ”я“, когда вместо слова ”боюсь“ - произносят ”невозможно“ и во время революции—спрашивают гарантии ее успеха.—Очевид-

но, приходится сделать самое вероятное из допущений, а именно - что революционное меньшинство сделает попытку претворения своих идеалов в жизнь единственно возможным для него путем. Посмотрим - же каков будет этот путь. Тесная зависимость в экономическом отношении одной части населения от другой, взаимная обусловленность развития различных отраслей промышленности - сразу же поставят революцию лицом к лицу с необходимостью насильственной экспроприации нужных ей продуктов у той части населения, которая менее всего пропитана духом свободы и коммунизма а посему - на добровольные жертвы - неспособна. Это вызовет недовольство внутри, а отсюда и вытекающую **необходимость самообороны**. С другой стороны - окруженная враждебными и всегда готовыми к ей "удушению" капиталистическими государствами, революция будет вынуждена к организации самообороны и с этой стороны. Очевидно, что развитие и свободное творчество новых форм жизни будет встречать на каждом шагу самое упорное сопротивление, и чем сильнее будет это сопротивление - тем ярче и рельефнее будет выступать насилие и принуждение в качестве характерных черт в революционной деятельности возставшего меньшинства. А если к этому еще прибавить возможность того, что революция будет длиться "долго, очень долго" как это допускает и Жан Грав, то нам станет совершенно ясно, что "организация насилия" или "диктатура" в революции - не есть что то произвольное, не есть химера не в меру зарвавшихся голов, а нечто такое, что составляет самую сущность всякой революции, и поэтому весь вопрос сводится не к тому как ее избежать, а наоборот - в какие формы она должна вылиться? И мы говорим, что самой рациональной формой "организованного"

насилия в революции - должна быть "диктатура" пролетариата, диктатура возставшего народа против всех врагов его идеи освобождения. Само - собою разумеется, что наше представление о "диктатуре", как об основанной на началах добровольного согласия и равенства среди возставших, организации насилия и принуждения над всеми и для всех противников анархии и коммунизма - совершенно исключает самую возможность ее отождествления с революционным правительством или диктатурой отдельных лиц, ибо тогда как первая есть "организованное насилие" только для врагов революции - вторая существует как насилие не только для врагов, но и для друзей, не только для завоевания и укрепления начал свободы и равенства, но для их нарушения в самой среде возставшего пролетариата. Для нас оба понятия взаимно исключают друг друга, и там где существует революционное правительство, по нашему мнению - нет "диктатуры" пролетариата, и где существует эта последняя - там всякое правительство, в том числе и революционное, является пережитком старого, забытым покойником, "делом давно минувших дней преданьем старины глубокой."

В.

— 0 —

...ОТ РЕД. КОЛ. Тов. "в" автор данной статьи, делает довольно неожиданный вывод из основательных предпосылок о "диктатуре", говоря об "организации насилия и принуждения над всеми и для всех противников анархии и коммунизма." Мы не думаем никого принуждать и насилловать, и наша организация лишь устраняет опасность насилия со стороны противников. Статья для дискуссии.

РЕД. КОЛ.

— 0 —

РАВЕНСТВО БРАТСТВО И ЛЮБОВЬ.

—o—

С незапамятных времен нам твердят на разные лады: что люди равны между собою, что люди братья и должны любить друг друга, по между тем и до сих пор самое глумительное неравенство и, исходящая из него, ненависть тяготеет над человеческим родом, и до сих пор человечество разделено на две непримиримо враждебные группы: угнетателей—и угнетаемых, правителей—и управляемых, господ—и рабов, богатых—и бедных, аристократов—и “чернь”.

Когда же одурманенные религией, немилосердно эксплуатируемые и насилюемые рабы стали прозревать, начали видеть и понимать причины своего порабощенного состояния и определять паразитов и насильников, терзающих их; когда с оруж. в руках “чернь” потребовала действительного равенства—то ей преподнесли: “Вы все равны перед законом.”

Во всех “демократических” республиках существует подобное “равенство”, “существует оно и у нас в Америке, где настрепано столько законов, что даже сами “стряпчие” не ведают в них ни конца, ни начала.

Равенство в стране Дяди Сема выражается очень явно: тюрьмы переполнены инакомыслящими и стремящимися к действительному равенству “мятежниками”, их депортируют; в одной части города палаты богатей, утопающие в зелени садов и парков,—в другой—старики, полуразрушенные временем дома—клетки, угрюмо и тускло глядящие в непроходимые дебри мусора и созерцающие оборванную и голодную араву ребятишек и бледных, тоскливо задумчивых, сердцем, умом и душой ушедших в заботу о куске хлеба, отцов и матерей. “Закон равен для всех!” Тюрьмы, избиения и расстрелы бастующим рабочим, денежные выкупы для богатых бездельников и негодяев. Какая ирония!

Не лучше обстоит дело с равенством и в Советской России, при диктаторстве, называющих себя коммунистами, большевиками...

В “Р. Р.” от 15-го марта с. г., в письме из Петрограда, один коммунист пишет, что коммунисты получают больший паек хлеба, нежели рабочие; что рабочий, все силы и жизнь отдающий на оборону революции—хам, невежда. Это рабочий, прогнавший банды Юденича от стен Петрограда; рабочий, который, полуголодный, уже 7 лет переносит все невзгоды войн и экономических разрухи; который, скрепя сердце, пользуется малым пайком и довольствуется 27-ой категорией вознаграждения труда; который, ради защиты Социальной Революции, подчиняется всем законам, декретам и дисциплине, наложенным на него кучкой лицемеров и фанатиков. Равенство, стремление к которому и вызвало революционный энтузиазм народных масс проявляется в России, как и в “Демократических” странах: тюрьмы для ищущих Свободы и Равенства, расстрелы недовольных и инакомыслящих, диктатура кучки людей над всем обществом, диктатура и произвол личностей в производстве и распределении, тунеядство этой, все растущей банды чиновников—а с другой стороны огромная масса трудящихся, которых держат в тисках трудовой и военной дисциплины.

Это вопиющее неравенство и породило причины Кронштадского восстания—протеста голодных и обделенных, протеста угнетаемых.

Рождаясь равными, в смысле внешнего достоинства, мы должны жить, как равные и равными помирать; и горе тем хищным шакалам, которые в разгар Социальной Революции стремятся организовать новые формы насилия и порабощения! Народный гнев сметет всякую ложь, несправедливость и неравенство; не для нового рабства он проснулся от векового сна и порвал цепи царизма и буржуазии, не для нового комиссаро-державия он свергнул самодержавие.

Народ, на своем пути к Свободе, пере-

шагнул через трупы Романовых, Колчаков, Врангелей; он отразил союзных гиен; он сумеет справиться и с новыми тиранами, новыми политическими лицемерами, занявшими место старых.

Напрасно вся свора имущих и правящих, у которых с самого детства развивают сознание их превосходства и права на привилегии, на обладание лучшим, у которых не может быть и тени понятия об общем братстве и равенстве людей, справедливости—напрасно старается она загрязнить и уничтожить нашу работу, нашу идею Анархии, говоря: "Вы дезорганизаторы, бунтари, грабители, и братоубийцы."

Мы не дезорганизаторы—мы стремимся к организации всех поработанных и угнетенных в настоящем строе, мы хотим организовать производство и потребление на началах справедливости и всеобщего равенства—мы разрушим "организованную" эксплуатацию и рабство. Мы бунтари,—ибо не можем далее переносить непосильного гнета, и у нас хватает мужества словом и делом заявлять свой протест.

Мы не грабители—мы хотим взять то, что веками производилось создавалось нами, и путем обмана и насилия захвачено кучкой хищников. Мы не братоубийцы—мы стремимся положить конец массовому избиению рабочих в братоубийственных войнах, которые капиталисты и их правительства, затевают в погоне за торговым рынком—за наживой; мы хотим прекратить медленное и непрестанное убийство трудящихся в душных фабриках, заводах, копях и туннелях. Мы хотим свободы, мира любви и счастья. Наш идеал: Равенство, Братство, а для этого необходимо уничтожить частное владение на средства производства, надо, чтобы каждый мог черпать из общей сокровищницы все, что ему необходимо; и тогда каждый будет давать обществу без меры. Лишь при Анархическом Коммунизме осуществится высшая справедливость в обществе: "От каждого по способности — каждому по потребнос-

ти." Мы не можем равнодушно смотреть, как громадная часть человечества трудится, выбиваясь из сил, производя все нужное в жизни, а горсть эгоистов и властолюбцев, отнимает продукт их труда, безумно тратит их на себя, портит и уничтожает для того, чтобы насилловать и эксплуатировать производителей, держа их в вечном страхе за кусок черствого хлеба.

Чаша терпения и страдания переполнилась и по всему миру голодные, неимущие и угнетенные возстают, сбрасывают с своей шеи паразитов и начинают устраиваться на новых началах.

Русский народ, стонавший под игом зверского режима царизма, первый порвал свои цепи, первый возвысил свой голос протеста против царящих в нашем обществе: неравенства, несправедливости и ненависти; рабочие России впервые выдвинули лозунг: "Свобода, Довольство, и Счастье всех трудящихся". Их призыв о помощи против своих и чужеземных хищников; не остался без ответа; рабочие других стран начинают вести все более ожесточенную борьбу против своих хищников—капиталистов и правителей, не давая им возможности погасить пламя Социальной Революции в России. Правительство Советской России все сильнее давит рабочих и крестьян, делается все реакционнее, все более и более отвлекается от первоначально намеченных реформ, все тесней вступает в связи с капиталистическими Правительствами, и окончательно теряет связь с народом. Равенство, Братство и Любовь — опять остаются мертвыми и пустыми звуками, как и после Великой Французской Революции; но эти слова, эти чувства живут в груди и умах многих миллионов людей, число их все растет и недалек тот день, великий день, когда Солнце свободы осветит свободную землю и воплотятся в жизнь Анархические Коммуны, где Равенство, Братство и Любовь между людьми станут основой, обычным явлением.

М. С. В.

НЕПОКОРНЫЙ РАБ.

Напрасно вы затрезвонили,
Подняли тщетно шум, и стук,
Что супостата полонили;
Победа ваша—только звук.

Хоть скован крепко я узами,
Хоть нагло пляшет кнут по мне,
Хоть орошаются слезами,
Порой полы, в сырой тюрьме.

Хоть ад устроен мне в засаде,
Со всеми казнями чертей:
Но о спасеньи, о пощаде,
К вам не взмолюся, ей-же ей!

Я в бой вступил не ради чести,
Я поднял свой суровый меч,
Пылая злобой страшной мести,
Главу снести со вражьих плеч.

Другой мне быть не может речи,
Пока я жив пока гожусь,—
Мой фронт, и поле грозной сечи,
Где я живу и нахожусь.

Напрасно вы меня сковали,
К чему строжайший ваш надзор?
Сильней и глубже острой стали,
Пронзает вас один мой взор!

Вы телом только завладели,
Чтоб издеваться, и морить...
Но мысли вольной вы не в силе,
Рукой жестокой покорить.

До той поры пока струится,
Пока играет кровь во мне,
Я буду мстить, я буду биться,
Я буду враг насилью... тьме...

Ю. К.

Я могущественнее объединенных армий всего
мира;

Я уничтожил людей больше, чем все войны мира.
Я смертоносней пуль и я разрушил более семей-
ных очагов, чем самые сильные пушки;

Я уничтожаю тысячи рабочих ежегодно;
Я скитаюсь невидимкой и делаю свою работу,
когда меня менее всего ожидают;

Я беспощаден. Я повсюду: в фабриках, домах на
улице, на море;

Я приношу болезнь, слабость и смерть—и все-
таки многие не хотят отказаться от меня;

Я ваш злейший враг,—Я—капитализм!

Товарищи распространяйте „Клич Анар-
хистов“—выпуск, посвященный памяти нашего
дорогого товарища и учителя П. Кропоткина,
в котором описывается смерть, погребение, оцен-
ка учения, деятельности и жизни его устами и
пером товарищей Анархистов в России.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

...Ред. Кол. „Волны“ ставит себе задачей ос-
ветить и дать детальный разбор следующих воп-
росов дня:

1) Наша Тактика.

2) Анархизм и Политика.

3) Роль революционного меньшинст-
ва и диктатура в революции.

4) Централизм и децентрализм вообще
и во время революции.

5) О переходной ступени.

6) Коммунистическое хозяйство.

...Все товарищи приглашаются обсуждать де-
тально эти вопросы на местах, писать статьи
и письма и, таким образом, помочь надлежаще-
му выяснению этих вопросов и других в связи
с ними.

Ред. Кол.

АНАРХИСТЫ И СОЦИАЛИСТЫ.

— 0 —

Вопросы: "Участвовать, или не участвовать в буржуазном парламенте" социальную или буржуазную революцию совершать?" Эти вопросы дискутируются и поныне в разных социалистических партиях, и вопрос об их отношении к анархизму, также является яблоком раздора, так как он тесно связан с теми двумя вопросами.

В самом деле почему мы, анархисты, отрицаем парламентарскую борьбу, почему на нашем знамени написано: "Борьба до полного осуществления идеала, Безгосударственного Коммунизма," не урезывая, не сокращая "наш враг буржуазия и его слуга государство. С врагами мы признаем борьбу; борьба сегодня, борьба завтра и так до победного конца. Всякие соглашения, а тем более союзы с буржуазией, мы поэтому решительно отвергаем. Мы ясно понимаем, что полной свободы мы достигнем только после Социальной Революции и разрушения государства; всякое государство—это только форма проявления воли господствующих классов. За законной охраной свободы, всегда следует полиция—жандармы — власть. Мы хотим не буржуазной, а реальной охраны достигнутой в борьбе степени свободы. Такую охрану дает нам только сознание и сплоченность самих угнетенных, готовность их каждую минуту защищать силой отвоеванную у буржуазии свободу."

Ответ ясен. Анархисты не могут участвовать в каком бы то ни было законодательном или власти имущем—повелевающем учреждении, так как цель их полное уничтожение власти и законодательных учреждений. Буржуазия стремится задержать и исказить всякое истинное революционное движение, обмануть народ, воспользоваться его силой, как рычагом для своих собственных целей, поэтому анархисты не могут участвовать с буржуазией в ее деятельности.

Каково бы не было правительство—оно опирается на насилие над личностью, служащее для защиты привилегий избранных—большинства или меньшинства — безразлично, а потому анархисты отказываются от совместной работы по организации таковой формы бдн телей порядка.

В начале социалисты (1871 г. слова Либкнехта) говорили: "Наше отношение к парламенту должно быть отрицательное, социалистические депутаты должны раз явиться в парламент, чтобы протестовать против этой комедии, и потом удалиться из этой кунсткамеры. Социалисты не могут и не должны заключать сделок со своими противниками, если не хотят пожертвовать своими "принципами". Но это только пустофразерия, на самом деле они говорили, что "если хотите, рабочие, что бы мы сделали что нибудь для вас, старайтесь только об увеличении социалистических депутатов в Рейхстаге." Но увы, социалистическая депутация, раз придя в парламент, так прочно в нем уселись, что покинули мысль о протесте проглупой комедии и стали сами принимать в ней участие И вслед за тем стали повторять слова Бебеля: "Одно только есть средство—для осуществления социализма, это — политическая власть! — Захват политической власти, вот главное средство." В погоне за властью ведется политическая предвыборная кампания, в ход пускаются все легальные и нелегальные средства против своих противников.

В числе противников очутились и анархисты доторые в действительности отрицают всю комедию политического соперничества.

"Анархисты не могут участвовать в международном конгрессе, говорит Либкнехт, мы должны бороться с ними, как с врагами, и недопускать их в ряды своей армии." "Все должны знать, говорит Руанэ на Лондонском конгрессе, из наших протестов против бомб и во-

ров, что у нас нет ничего общего с анархистами.“ Да и что же может быть общего между анархистами, не признающими никакой власти, признающими свободу личности и равенство—и социалистами государственникам, заявляющими устами своего лидера Каутского (эрф. пр. глав. 10): ”Капиталистическое производство не совместимо с свободой труда т. е. со свободой для рабочего работать, где и как он хочет; В социалистическом обществе все средства производства будут концентрированы в руках государства, которое и будет единственным работодателем. Выбора не будет. Со временный рабочий пользуется большей свободой нежели будет пользоваться рабочий будущего строя.“

Концентрация производства в руках государства, диктатура социалистической партии, большинства ли над меньшинством, или наоборот, безразлично; лишение рабочих свободного выбора труда—все это на чем социалисты предполагают строить социалистическое государство.

Между тем, как анархисты признают за всяким свободный выбор труда; и на место ”работодателя“ и партийной дисциплины—самосознание пред обществом, самопожертвование в пользу других, ”от каждого по способностям“ и крепчайшую солидарность, истекающую из общности интересов. Мы говорим что, отрицая принцип государственности, мы стремимся не к замене данной власти другой, а к полному уничтожению всякой власти. Нужно сделать выбор, нужно стать на крепкую почву. Теперь более чем когда либо, начертать ясно и определенно лозунг на знамени зовущем к Социальной Революции—к освобождению всех угнетенных, подвластных рабов—трудящихся. Нужно раз навсегда отказаться от участия в буржуазном парламенте, нужно работать и готовить почву только к Социальной Революции, нужно углублять, раз начатую российским народом, революцию, нужно отбросить разные ”передышки“, соглашательства с капиталистами, со всеми ее дипломатическими фокусами.

нужно политических клоунов, старающихся тор- мозить Социальную революцию, отстранить, забрать в руки народа кормило революционного судна и продолжать путь до победного конца, до полного освобождения трудящихся от всякой власти и капитала.

—0—

Кто не знает и не знает, что он не знает—глупец.

Избегай его!

Кто не знает и знает, что он не знает—простяк.

Учи его!

Кто знает и не знает, что он знает—соня.

Разбуди его!

Кто знает и знает, что он знает—мудрец.

Иди с ним!

М. С. В.

—0—

ЗАЯВЛЕНИЕ.

.... В Ред. Кол. и группах на местах имеются следующие новые книги:

1) Анархизм—Д-р. Пауль Эльцбахер.

2) Речи Бунтовщика—П. Кропоткина.

3) Анархисты—Макай.

4) 1-й том соч. Бакунина—М. Бакунин.

5) Умирующее О-во и Анархия—Ж. Грав.

С заказами обращайтесь: или в группы на местах, или в Ред. Кол. ”Волны“.

—0—

... ТОВАРИЩИ! Прекрасно зная почти полное обнищание ввиду безработицы, мы все—же обращаемся к вам за материальной поддержкой. Раньше журнал страдал недостатком интеллектуальных сил—теперь, с этой стороны, сделан шаг к улучшению. Необходимо обеспечить его существование и финансово. Поспешите с присылкой средств, вырученных за журналы и литературу и делайте все возможное по изысканию средств. Во времена, когда голос Анархистов—единственный, вызывающий к разуму и чувству трудящихся и указывающий путь к Свободе и Счастьем исконных рабов—этот голос должен быть слышен всему миру.

Ред. Кол.

—0—

СВЯЗЬ ПОВСЕД. БОРЬБЫ С БОРЬБОЙ ЗА ИДЕАЛ.

Тактика есть ничто иное, как определенный план действия, согласованного, с одной стороны, с теми общественными условиями, в которых она должна развиваться, с другой стороны,—с состоянием духа, с силой сознания организации, массы или индивида, которые ею должны пользоваться. Стало быть, анализ условий общественной жизни, анализ условий борьбы классов, оценка, понимание значения каждого из них в общественной жизни и в общественных переворотах, определенная руководящая в борьбе идея, т. е. глубоко сознанный идеал, являющийся результатом реалистического анализа тенденций развития современного общества, жизни, нужд, труда рабочего класса, наконец, организации, стремящиеся претворить и способные превратить в жизнь этот идеал,— вот общие и основные элементы революционной тактики и революционной деятельности. В этой борьбе и деятельности революционный класс руководится, конечно, практическими соображениями, приспосабливается к наибольшей целесообразности, ничего общего не имеет и не может иметь с торгом с враждебными пролетариату классами, т. е. революционный класс не может иметь никаких отношений к буржуазным классам, кроме тех, которые вытекают из необходимости постоянной непосредственной борьбы с ними. Практичность, целесообразность—не синоним оппортунизма. Оппортунизм никогда не бывает революционно-практичным и целесообразным, тогда как хорошо понятая практичность и целесообразность всегда ведет к серьезным революционным выводам. Целесообразность революционной тактики заключается лишь в установлении строгого

соответствия средства с целью и цели со средством. Например, простой местной частной стачке не может быть поставлена иная цель, как простое местное частичное улучшение. Было бы безрассудно требовать от местной частной стачки выполнения широких революционных целей, которые выше ее сил. Частная местная стачка—средство еще доступное для борьбы за полумеры. Но, если с одной стороны, реальное понимание, верная оценка целесообразности того или иного практического средства запрещает, как бы сказать, ставит ему цели, превышающие его силы, то, с другой стороны, из строгого понимания той же целесообразности вытекает принцип, ведущий, при подходящих условиях, к удвоению или утроению силы употребляемого средства, чтобы, таким образом, создать атмосферу, в которой целесообразно было бы преследовать не частные, а общия цели. Каждая стачка является столкновением интересов; в этом столкновении заинтересованные стороны узнают друг друга, и благодаря этому, происходит практически, так сказать, анализ классовых отношений, анализ доступный пониманию не только сознательных рабочих, но и полусознательных, а потому столкновения на экономической почве пролетариата с буржуазией являются лучшим для него воспитанием. Классовый характер стачки и есть залог расширения классовой борьбы до пределов социальной всеобщей стачки. В экономических столкновениях формируется "класс для себя", и мы знаем, что формирование пролетариев в "класс для себя" есть условие возможности и успеха социальной революции. Я иду дальше. Мне кажется, что экономическая борьба.

и в особенности стачка, в которой рабочий класс не видит средства, косвенно ведущего к более высоким целям, чем простые паллиативы, временные выгоды,—может стать опасной. Паллиатив, временная выгода,—не пустяки, конечно, но поверх этих паллиативов рабочий класс должен видеть постоянно, даже в момент борьбы за них, свой высший идеал; лишь при этом условии мыслимо расширение движения.

Частная местная стачка одного ремесла, при соответствующих объективных условиях, а также при наличии достаточного сознания солидарности всего пролетариата, при достаточной боевой способности его организации, легко может перейти или в местную всеобщую стачку, или во всеобщую стачку данного ремесла на протяжении всей данной территории. Тогда цели могут и должны измениться, соответственно силе и объему движения. Как простая местная частная стачка может послужить в соответствующих условиях отправной точкой для местной всеобщей стачки всех ремесел или национальной стачки данного ремесла, так и эти последние могут сделаться, опять таки при благоприятных условиях, отправной точкой для всеобщей социальной стачки.

Само собою разумеется, при всеобщей социальной стачке частные требования отступают на задний план по требованию той же самой целесообразности и движение, естественно, подчиняется общей революционной цели. Когда вся энергия пролетариата находится в движении, естественно и разумно, практично и целесообразно, чтобы он боролся за все свои цели в общей сумме. В приведенном выше примере порядок роста движения таков: местная частная стачка или всеобщая национальная стачка данного ремесла и всеобщая социальная стачка! Конечно, такая сериация, такой порядок не обязателен. Практически ука-

занная сериация очень редко имеет место, к тому же, примера всеобщей социальной стачки мы не имеем, а знаем лишь попытки к ней; местная всеобщая стачка часто вспыхивала сразу, являясь большей частью конфликтом совершенно второстепенного значения. Но вопрос не в этом. Нет никакой такой теории вероятности, которая заранее могла бы установить точку, могущую послужить исходным пунктом освободительного движения. Вышеприведенная серия видов движения, развивающихся от простого к сложному, лишь пример, показывающий, что между средством борьбы и целью ее должна существовать пропорциональность, что средство должно соответствовать цели и что размер преследуемой цели не должен выходить из пределов возможностей при употреблении данного средства. Из этого видно, что расширение цели требует расширения средства, а расширения средства требует расширения цели. Безрассудно вбивать в мягкий пух булавку ударами громадного молота, но не менее безрассудно так же и вбивать огромные сваи ударами булавочной головки. Безрассудно местной частной стачке ставить революционные цели, имеющие характер общественного переворота, но не менее безрассудно действительно всеобщей стачке, т. е. энергичному проявлению всей силы рабочего класса ставить частные или местные цели.

Но возможно ли такое расширение рабочего движения в нашу эпоху? Безусловно возможно. Накануне Парижской Коммуны была ли возможна Парижская Коммуна? Накануне Карфагенской Коммуны была ли возможна Карфагенская Коммуна? Из ста современников этих двух великих событий девяносто девять ответили бы на этот вопрос отрицательно. Однако стечения никем непредвиденных сложных социальных обстоятельств породили условия, при которых

и та и другая Коммуна стали возможны ми. Накануне 9-го января разве сами творцы этого исторического дня могли предвидеть, могли знать, каких страшных потрясающих конвульсий послужит он точкою исхода? Возможна ли социальная революция завтра? После завтра? Через два, три года или через десять лет? Было бы безрассудно утверждать, что она непременно произойдет через тот или иной определенный срок времени, но в самом предположении ее возможности в ближайшем будущем нет ничего безрассудного. История богата сюрпризами, она часто удивляла людей неожиданностью событий; она страшная фантазерка, и именно тогда, когда меньше всего ждут от нея чегонибудь особенного, она увлекает людей в одну из тех страшных общественных бурь и потрясений, которые делаются поворотным пунктом для всего дальнейшего развития. Сложность социальной жизни может породить условия, в которых события, кажущиеся невозможным в данную минуту, явятся естественным образом. Во всяком случае, легенда, полагающая, что социальный переворот явится результатом самоотрицания данного режима, отжила свой век. Эти отрицания никогда не происходили без активного участия орудия социального творчества—личности. Процесс развития общества, анализ тенденций, характеризующих это развитие, дает лишь неизбежные, необходимые директивы сознательному планомерному целесообразному и целестремительному вмешательству в самый процесс развития. "Жизнь господствует над мыслью и определяет волю," сказал Бакунин. История совершается волей, определенной условиями жизни, которые определяют направление творческих общественных сил. Таким образом, определенная жизнью воля людей является неизбежно необходимым элементом, как общественного про-

цесса, так и общественных переворотов. Об'ективной невозможности вмешательства определенной, целестремительной воли в общественный процесс не существует. Самое главное затруднение этого вмешательства заключается в том, что носитель жизнью определенной воли—личность, не в достаточной мере, не с достаточной точностью улавливает взаимоотношения суб'ективного и об'ективного, не в достаточной степени, а порою не с достаточной реальностью устанавливает размеры и условия своего вмешательства.

Затруднение стало быть, лежит не в об'ективной незрелости и невозможности переворота, наоборот, в недостаточном или неполном сознании об'ективной возможности и условий этого переворота и, следовательно, в недостаточном определении побуждения творческой воли к перевороту. Вот пробел. Его можно заполнить одним путем—практическим, т. е. материальным анализом существующих об'ективных условий,—борьбою—материальной критикой. Материальная же критика существующего тем полнее и цельнее, чем больше в ней классового самосознания, чем больше класс, совершающий материальную критику, является классом для себя для разрешения великой задачи, которую история поставила перед ним; зрелость же достигается лишь в неустанной, упорной борьбе за разрешение этой задачи во всей ее сложности, т. е. за идеал. Само сознание крайней сложности вопросов общественного переворота и умение подыскивать средства, могущие разрешить все эти сложные задачи, разделение этих средств и понимание значения каждого из них,—вот лучший показатель зрелости рабочего класса.

Таким образом, повседневная борьба пролетариата неразрывно связана с борьбою за идеал. Отсюда же ясно, насколько нелогично и искусственно деле-

ние борьбы пролетариата на два различных периода с двумя различными объектами: минимум и максимум. Требование пролетариата должно быть разматриваемо, как минимальное или максимальное не по отношению к данному историческому периоду или фазису, а по отношению к условиям, в которых происходит борьба за максимум или минимум. Различение условий от фазиса имеет громадное значение, в особенности, когда речь идет об определении характера предстоящей деятельности. Условия развиваются и развиваются в фазисе,—фазис обнимает их, а потому невозможность, связанная с характером данного исторического периода, может пасть лишь с его падением или истечением. Невозможность же, связанная с известными условиями, возникшими в данном фазисе, может пасть в данном же фазисе, не дожидаясь его полного истечения, так как условия изменяются и складываются на тысячи ладов в одном и том же периоде развития, делая возможным то, что раньше казалось невозможным, и невозможным то, что раньше казалось возможным.

Следовательно, ”максимальность“ и ”минимальность“ надо связывать не с фазисом или периодом развития, взятых абстрактно, в качестве каких-то подисторических сущностей, а с конкретными общественными силами, взятыми в их развитии, со всеми их свойствами, как физическими, так и духовными. Известная цель—максимум или минимум для данного средства, для данной творческой силы, а не для истории, которая представляет собою непрерывное движение, движение без мертвых точек именно этой творческой силы. Для истории минимума и максимума не может быть, для нея все минимум и все максимум в одно и то же время. История—процесс. В ней все комбинируется, разлагается; она комбинируется, пере-

плетается, образуя бесконечные узоры разнообразно скомбинированных и переплетенных сил. В ней все преемственно. Для нея все максимум, как отрицание предшествующих минимумов и все минимум, так как породившая этот максимум творческая сила растет, развивается и, таким образом, создает отрицающий новый максимум, т. е. по отношению развившегося развивающееся является минимумом.

В конкретной социальной области разграничение на минимум и максимум, кроме того, что нелогично и искусственно, совершенно лишнее. Результат социального творчества не может превышать суммы творческой социальной силы, но он не должен также уступать ей.

Может быть то, что кажется максимумом при непосредственных данных условиях, станет для всех бесспорным минимумом при значительном изменении указанных условий. Может быть, то, что кажется бесспорным минимумом, легко осуществимым в данную минуту, окажется трудно достижимым максимумом для многих поколений. Как и кому знать? Все зависит от соотношения активных творческих социальных сил, а соотношение это в высшей степени изменчиво! Всякая революция, всякий крупный общественный переворот богат сюрпризами. Бывает, что в нем принимает активное участие сила, на содействие которой не рассчитывали, но бывает также, что воздерживаются от всякого участия или участвуют в качестве элементов, враждебных перевороту, силы, на активную помощь которых серьезно рассчитывалось. Нет социального барометра, заранее представляющего все это.

Соотношение активных социальных сил меняется не только по мере того, как чередуются известные исторические фазисы и периоды, оно подтверждается глубоким изменениям также на протяже-

нии одного и того же исторического периода времени. Стало быть, нет никакой возможности научно установить максимум или минимум,—это установление не только невозможно исторически, но оно является отрицанием истории и исторической точки зрения.

Таким образом, ясно видно, думает ся нам, что невозможно установить такой минимум, который был бы максимумом по отношению данного времени или данного периода. Время, по своему основному свойству исключительной подвижности, ни в коем случае не может послужить к установлению мертвых точек в социальном развитии, каковыми являются минимум и максимум. Последнее—лишь условные термины, служащие для приблизительного определения соотношения активных сил. Соотношение активных социальных сил, как это было выяснено выше, в высшей степени изменчиво; и, следовательно, всякое стремление заранее ограничить, включить в известные рамки это проявление есть попытка, лишенная всякой целесообразности, а потому неспособная привести к научной достоверности. Поэтому, революционный класс, вполне свободный от ложных предрассудков буржуазных ученых, в особенности юристов и политико-экономов, не может считать ни своей логической, ни своей научной и практической обязанностью ограничение с точки зрения цели ни революции, ни революционного движения.

Совершенно также и в повседневной революционной борьбе: всякие границы, догматически устанавливающие максимальные минимумы и минимальные максимумы, должны пасть. Понятия эти не заключают в себе ничего научно достоверного, а представляет только искусственно построенную догму. Никакая наука не устанавливала, не пыталась и не может пытаться установить ни невозможности общего движения, ни

невозможности расширения частного движения в общее и, следовательно, невозможности перехода от борьбы за частные цели к борьбе за общую цель. Наоборот, наука обще, а в частности те ее ветви, которые занимаются специально анализом общественных отношений доказывают неизбежность общественного переворота и стало быть, целесообразность движения с общей целью. При наличности этой предпосылки предположение возможности расширения частного движения в общее является неизбежно историческою необходимостью.

Целесообразное, планомерное, целестремительное вмешательство в процесс развития, опирающееся, конечно, на директивы, извлеченные из возможно полного и точного анализа этого самого процесса развития, в том и должно заключаться, чтобы частное превратить в общее, чтобы расширить и углубить движение как с точки зрения средств его, так и сточки зрения его целей. Догматическое, искусственное ограничение целей движения никогда не может стать революционным актом или средством расширения и углубления движения. Наоборот, это ограничение есть акт общественного консерватизма. Дело элементов общественного переворота это — борьба с существующим, борьба против всех отрицательных черт и проявлений в общей сумме; борьба за новый мир, за новую жизнь—за идеал—за создание не только разрушительных, но и созидательных сил; это подготовка не только первого, но и второго дня революции; это практическое и идейное обнаружение всех язв современного строя и, следовательно, неизбежной необходимости постоянного активного воздействия, в смысле выяснения и создания лучших условий борьбы и усиления творческой силы для распространения и укрепления глубокого убеждения в невоз-

возможности жить по старому. Одним словом, эта постоянная забота помочь развивающемуся новому миру разорвать удушливые оболочки старого.

Значит ли это, что нужно отказаться от заботы повседневной борьбы? Конечно, нет, как это явствует из всего выше сказанного. Именно в повседневной борьбе вырабатываются элементы революционной деятельности. Повседневная борьба—необходимая основа революционной борьбы; она та материя, из которой формируется революционная сила. Борьба за частное не отделима от борь-

бы за целое, так же как борьба за целое неотделима от борьбы за частное. Всякая борьба, все равно, за частное или за целое, делает или направляет борьбу за идеал, т. е. за возможность достижения целого. Всякая повседневная борьба должна предвидеть и готовить массы к завоеванию именно целого, как достижения революционной цели. Только при этом условии она может стать действительно революционной и творческой силой.

К. Оргеиани.

—0—

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА.

В ”Что должно быть сказано“, помеченное 17-м Ноября 1917 го года, Борис Суварин писал: ”Нужно опасаться, что для Ленина и его друзей, Диктатура пролетариата неизбежно превратится в диктатуру большевиков и их главы. Это будет несчастьем для рабочего класса России и, следовательно, для пролетариата всего мира. Диктатура Ленина может держаться только дикой и неизсякаемой энергией, и потребует поддержки постоянно революционной армии. Нет никакого смысла предполагать, что революционный будет предпочтительней существующаго милитаризма.“ Это ”Ле Либертэйр“, которая поместила эти выдержки Декабря 31-го, 1920 года. Суварин не был анархистом, но ортодоксальным большевиком. Марта 22-го, Консулат Джерджи в Лондоне выпустил воззвание, в котором говорится частью: ”Советское Правительство России сбросило, наконец, маску Социализма и показало себя беспощадным завоевателем. Они обрушились на Джерджию, сначала с, Армянской и Азербайджанской сторон, а после с Русской границы. Это было сделано без всякого повода, без объявления войны и без малейшего предупреждения...”

В глазах цивилизованных народов крас

ные империалисты убивают самое демократическое государство, когда—либо существовавшее, Государство управляемое социалистами.“

Марта 23-го были опубликованы полные детали собрания военного Рев. Совета Российской Советской Республики в Москве. Име на присутствующих сообщались с Троцким на месте председателя. Было решено приостановить демобилизацию армии, и увеличить ее до 4,000.000. Генеральному Штабу было приказано приготовить планы Кавказа и западного фронта, и выработать план для переезда Красной Армии и ее концентрации на Румынском фронте. Есть много причин не доверять сообщениям о России, появляющимся в капиталистической прессе. Но там есть частица правды, ибо репутация газет зависит от качества их новостей, и, они большей частью нанимают на такую важную миссию корреспондентов на которых можно положиться. Около года назад, мне случилось поговорить откровенно с двумя такими людьми, обоими хорошо—известными авторами, по меньшей мере, полуреволюционного характера. Каждому из них я высказал мнение, что, так называемая Советская Республика может превратиться в военную империю. Каждый считал это очень

вероятным. Прибавте к этому подтверждению—их бесконечно много—мнения Михаила Фарбмана, самого проникательного, надежного и симпатичного из всех русских корреспондентов. Марта 13-го, четвертая годовщина свержения царизма, он поместил в "Обзорвер" длинную статью о коммунистическом режиме, в которой он поясняет, что левое крыло партии, во всяком случае, желает войны, как облегчения домашних затруднений, и с удовольствием продолжало-бы войну с Польшей." "Я лично был поражен," пишет он, "когда, прошлой осенью, я слушал доводы вожаков коммунистов, что в виду угрожающего голода"—новыя военные предприятия должны быть начаты. Ни один Анархист, ни один друг человечества, не может закрывать глаза на приведенные факты. Если есть сомнения—их надо разрешить. Когда трудно узнать правду, надо еще тяжелее работать чтобы откопать ее; а в этом случае тем более необходимо, ибо мы сталкиваемся с фанатизмом, который боится слышать критику, а так же признать факт, что обе стороны (коммунисты и капиталисты) сыпят деньгами лишь бы обмануть публику. Нет ничего хуже этого. Это отравляет всю рабочую революционную пропаганду, и мне приходится читать газеты и слушать популярных ораторов, Заявлениям которых я не могу поверить, ибо я знаю наверняка, что убивает солидарность покупная ложь.

Каждый искренний Анархист есть революционер, и потому, понятно, сочувствует русской и всем другим революциям, ибо революции это—пробуждение масс от долговечного сна к жизни. По моему мнению, доказательство искренности это, когда вы стараетесь определить действительную правду; а я знаю, что, с самого взрыва Русской Революции, четыре года тому назад, я постоянно и добросовестно изучал и читал все, что появилось стоящего относительно этого наиважного предмета. В особенности я наблюдал за иностранной прессой, специально следя за Французскими, Испанскими и Итальянскими газетами, и пробуя переваривать взгляды выражаемые такими людьми, как Се-

бастьян Фауре, Жан Грав, Кропоткин, Малатеста и Бертони. Эти люди медленно вырабатывали свое суждение, ибо они очевидно заботились о своей репутации, как учителя, и создавали всю тяжесть ответственности. Я предлагаю поэтому дать в "Фридом", с позволения редактора, резюме заключений, к которым они пришли, и общий взгляд газет в которых они сотрудничали. Я начну с "Ле Либертэйр", влиятельного парижского ежемесячника, в котором Себастьян Фауре, постоянно сотрудничает. Он говорит с особой ясностью, а длинные письма Вилкенса, описывающие его опыты в России, включая продолжительные интервью с Лениным и Кропоткиным, полны интереса.

Эту вступительную статью, как мне кажется, можно закончить коротким перечислением заключений, к которым Вилкинс—синдикалист а когда он поехал в Россию горячий марксист—был принужден прийти. Вкратце, они таковы: 1) Что бы ни было в начале, Большевики и Революция в настоящее время не совместимы.

2) Коммунистическая Партия быстро определяется в особый класс, интересы которого прямо противоположны интересам революционных масс.

3) Диктатура пролетариата есть орудие угнетения в руках этого класса.

4) Террор, к которому они прибегли, превзошел царский; да и понятно, ибо массы, пройдя через революционный опыт, не так легко поддаются.

5) Большевики, стремясь свернуть капитализм, хотят надеть на массы еще тяжелейшее ярмо бюрократического государства.

6) Для этой цели они набрали громадную армию, которая не является уже революционной армией и полна опасности для будущего.

7) Рабочие не имеют контроля в производстве, где они наняты.

8) Проституция, грабежи, протекционизм и заискивание более распространены в России, чем в странах, управляемых буржуазией.

9) Хваленые реформы или только на бумаге, или же поверхностного, благотворительно-

го типа.

10 Союзническая блокада и их поддержка различных военных авантур сыграли прямо в руку настоящим правителям России, дав им возможность сплотить массы для своей поддержки против иностранного вторжения. В следую-

щем номере ”Фридом“ я намерен дать полный обзор свиданий Вилкинса с Лениным и Кропоткиным. Каждое из них очень наставительно и интересно.

Из ”Фридом“ В. С. Оуен.
— 0 —

ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ АНАРХИСТ.

”Каждое существо должно быть законом в себе и для себя без нарушения подобной же свободы какой-либо другой личности... Под растяжимой претензией защиты личности и собственности, правительства распространяют массовое разрушение, голод и нищету на земле, где мир и—благоденствие могли бы существовать в противном случае.“

Джешиа Варрен.

Следующий набросок карьеры Варрена взят из превосходного изучения Варрена В. Бэйли, опубликованного издательством ”Смол. Майнард и К-о.“ Бостона. Он родился в Бостоне в 1798-м году и, в молодости будучи горячим последователем Роберта Оуена, решил присоединиться к его великому опыту, который проводился в ”Новой Гармонии.“ Но Варрен не оставил этого неудачного опыта разочарованным реакционером, как случилось со многими. Наоборот, он оставил его как серьезный наблюдатель, который в дело употребил свое время, изучая причины неудачи ”Новой Гармонии.“

Варрен считал главными причинами этой жалкой неудачи: **подавление индивидуальности и недостаток индивидуальной ответственности, — недостатки, по заключению Варрена неотделимые от властного коммунизма.** Все дела этого сообщества решались: ил волей большинства, или Оуеном, как собственником.

Личная свобода считалась ничем, недоставало инициативы личных усилий, и каждый готов был приписать недостатки системы ограниченности его соседа. Поэтому он был убежден, что основой всех будущих перемен должна быть полная личная свобода. ”Человек добивается свободы, как магнит тянется к полюсу, или как вода ищет уровня; и общество не может иметь мира, пока каждый член его не будет действительно свободным.“ Этого не может быть при существующей основе организации общества. Для грядущего общества необходимы новые принципы. Первый из них—индивидуальность. Самостоятельность каждой личности должна быть нерушимой во все времена. Каждый должен быть свободен распоряжаться своей личностью, своим временем и своим производством, как ему нравится, но всегда **по своей собственной цене.** Стоимость производства должна быть мерилом ценности. Это—суть учения Варрена. Таким образом, перед Марксом или Пруденом, еще в 1827-ом году, Варрен выразил принцип, что **Труд создает все богатства.** Таковы были воззрения Варрена, когда, в возрасте 29-и лет, он возвратился в Цинцинати, дабы открыть свой первый ”Магазин Справедливости“, жекая проиллюстрировать принцип ”Стоимости“ в приложении в торговле. Когда преимущества такого магазина были поняты, он сделался самым популяр-

ным торговым учреждением в городе. Он был известен, как "Повременная лавка", по причине оригинального способа, принятого для обозначения и регулирования суммы вознаграждения торговца. Это определялось принципом равного обмена труда, измеряемого потраченным временем, и обмена часа за час на труд иного сорта. На видном месте висели стенные часы. Входит покупатель за покупками. На всех товарах ясно обозначена цена, которая включает в себе небольшой процент стоимости для покрытия расходов по перевозке, порче, найму квартиры и т. п.—обыкновенно около 4-х сентов на доллар. Покупатель выбирает что ему нужно, без излишней помощи или навязывания продавца, и уплачивает за все деньгами. Время потраченное торговцем на помощь покупателю высчитывается по часам, и в уплату за услугу посетитель дает свою трудовую расписку, что—либо в роде: "Должен Джошиа Варрену, по требованию, тридцать минут плотничной работы."

И. Слипп"

Лавочник, таким образом соглашался обменять свое время на равное количество времени того, кто купил у него товар. Никаких барышей в обычном смысле, не было. Лавка Варрена являлась также и складом для вкладывания продаваемых продуктов. Список "требований" выставлялся каждое утро; вкладыватель был свободен взять в обмен другого товару на ту же стоимость, или взять трудовую расписку Варрена. Так как эти расписки выражались в часах, а не в долларах—приходилось выставлять лист стоимости в рабочих часах на все предметы в торговле.

Благодаря плану принимать только такие товары на которые был спрос, предотвращалось загромождение; и таким образом, избегалась ошибка, которая была главной причиной падения "Биржи

Труда" Оуена в Лондоне.

Так очевидны были преимущества справедливого обмена, что кооперативный дух быстро распространился, и нововведение повлияло на всю мелкую торговлю в городе. Лавка Варрена сделалась бюро безработных так же, как и Биржей Труда. Потом Варрен решил испытать свои принципы на большем поле, приложив их к земельному обществу; поэтому он прекратил опыт с лавкой, после двухлетнего успеха, и хотя он пользовался очень скромной жизнью от этого предприятия, но заслужил совершенное доверие к разумности простых принципов полной индивидуальной свободы и ответственности, как единственной основе общественной гармонии и довольства.

В 1874-ом году, Варрен решил доказать, что люди, единственными средствами которых будет рабочая сила и свободный доступ к натуральным богатствам, могли бы, в короткое время, обмениваясь трудом на началах справедливости, —построить собственные дома, удовлетворять их потребности и добить ся комфорта и благоденствия. Варрен нашел в Клейрмонте шесть семейств, которые раньше участвовали в коммунистической затее—которая провалилась, как он и сам предсказывал—и которые были на краю нищеты. Землю достали от одного из друзей Варрена на очень хороших условиях, и через шесть месяцев почти все имели хорошие дома, почти или совсем оплаченные. Это маленькое общество "взаимности" выросло в целую деревню, "Утопия", и если бы окружающая земля не контролировалась спекуляторами, эта попытка значительно расширилась бы.

В 1850-ом году Варрен переселился в Нью Йорк, где он излагал свои доктрины индивидуалистической кооперации, а позднее принял участие в предприятии на "Лонг Айланд," известным

под именем: “Новые Времена”—колоний, основанной на принципах справедливости. Монкюр Д. Конвей посетил “Новые Времена” в 1858-ом году, и вынес очень хорошее впечатление; он опубликовал описание деревни и ее населения в “Двухнедельном Обзрении” (1-го Июля, 1865 года), и упоминает о ней в своей автобиографии.

“Новые Времена” процветала до гражданской войны, когда большинство

ее жителей были рассеяны. Хотя Варрен не лез в вожди, его идеи привлекли значительное внимание, и были репрезентированы в Англии Бронтером О. Брайаном и другими. Заключительные годы его жизни были заняты ценными изобретениями в области печатания, с целью помочь пропаганде своих идей.

Он умер в 1874-ом году.

С. Ц. П.

— 0 —

АНАРХО-КОММУНИЗМ.

(Продолжение)

Мы думаем, кроме того, не только что коммунизм желателен, но что современные общества, основанные на индивидуализме, сами неизбежно должны двигаться по направлению к коммунизму.

Развитие индивидуализма в течение трех последних веков—т. е. усиливающееся стремление каждой отдельной личности обезпечить себя, помимо всех остальных,—объясняется, главным образом, стремлением человека оградить себя от власти капитала и государства. Некоторое время большинство людей думали, а те, кто служил выразителями мыслей большинства, проповедывали, что, обезпечив себя, каждого порознь, человек сможет вполне освободиться и от государства и от капитала.

“Деньги думали люди, дадут мне возможность купить все, что мне нужно, в том числе и свободу.” Но оказалось, что тут крылась глубокая ошибка. Современная история заставляет каждого признать, что за деньги свободы, ни даже личного, продолжительного и стойкого обезпечения нельзя купить; без сотрудничества всех, отдельный человек бессилен, как бы ни были

его сундуки полны золотом.

В самом деле, рядом с этим индивидуалистическим течением, мы находим во всей современной истории с одной стороны, стремление удержать остатки древнего коммунизма, а с другой,—восстановить коммунистические начала в самых разнообразных проявлениях общественной жизни.

Как только общинам десятого, одиннадцатого и двенадцатого века удалось освободиться от власти светских или других владетелей, в них в тот час же стали сильно развиваться начала общего труда и общего потребления.

Город—именно город, а не частные лица (“Господин Великий Новгород” в России)—снаряжал корабли и посылал караваны для торговли с отдельными странами, и барыши от торговли оставались не отдельным кушом, а опять таки всем—городу; город же покупал и нужные припасы. Следы этих учреждений сохранились кое-где до самого девятнадцатого века (до 1848 года), и везде народ свято сохраняет воспоминание о них в своих преданиях.

Все это исчезло. Одна только сельская община еще боится за сохранение

последних следов этого коммунизма, да и то удастся ей только до тех пор пока государство не бросит на чашку весов свой тяжелый меч.

Но вместе с тем, повсюду возникают в самых разнообразных формах новые организации, основанные на том же принципе: каждому по его потребностям,—потому что без известной доли коммунизма современные общества вообще не могли бы существовать. Не смотря на узко эгоистический характер, который придается умам людей нашего времени коммунистическое направление в товарном производстве обнаруживает себя постоянно и проникает также, в наши отношения во всевозможных видах.

Не так давно еще, когда через реку строили мост, то с каждого проезжаго взыскивали "мостовое"; теперь же мосты—общественная собственность, и каждый пользуется ими, сколько ему нужно. Шоссейная дорога, за которую платят столько-то с версты, сохранилась только на Востоке. Музеи, общественные библиотеки, даровые школы, общие обеды для детей, парки и сады, открыты для всех, доступны для всех, мощенные и освещенные улицы, проведенная в дом вода (при чем заметно стремление вообще не считать в точности, сколько ея расходуется в каждом доме), все это—учреждения, основанные на принципе: "берите сколько вам нужно."

Конки и железные дороги уже вводят месячные и годовые билеты, сколько бы раз в году или каждый день вы не ездили взад и вперед; а недавно в целой стране, в Венгрии (а за нею и в России), ввели на железных дорогах зонный тариф, дающий возможность проехать за одну и ту же цену, как пятьсот, так и семь сот верст. От этого не далеко и до установления одной общей платы за проезд в такой то области, как в почтовом тарифе. Во всех этих и во мно

жестве других учреждений (гостиницы, пансионаты и т. д.), господствующее направление состоит в том, чтобы не измерять потребления. Одному нужно проехать тысячу верст, другому только семь сот. Один съедает три чунта хлеба, другой только два... Это—чисто личные потребности, и нет никакого основания заставлять первого платить в полтора раза более, только потому, что его потребность в полтора раза больше. И такое уравнивание обнаруживается даже в нашем индивидуалистическом обществе.

Кроме того, замечается стремление, хотя еще и слабое, поставить потребности личности выше оценки услуг, которые она оказала или окажет когда—нибудь обществу. Общество рассматривается таким образом как целое, каждая часть которого так тесно связана со всеми другими, что услуга, оказанная комунибудь, есть вместе с тем услуга, оказанная всем.

Когда вы приходите в общественную библиотеку—только не в парижскую, а, например в лондонскую или берлинскую,—библиотекарь не спрашивает вас, прежде чем дать вам нужную книгу, или хотя бы даже пятьдесят книг, какие услуги вы оказали обществу? Он просто дает вам книги, а в случае надобности даже поможет вам найти книгу в каталоге, если вы не умеете сделать этого сами. Точно так же, за известный вступительный взнос—при чем вклад в виде труда нередко даже предпочитается денежному взносу—научные общества открывают вам свой музей, сады, библиотеки, лаборатории, ежегодные празднества—каждому члену безразлично, будь он Дарвин, или простой любитель.

В некоторых городах, если вы работаете над каким-нибудь изобретением, вы можете отправиться в особую мастерскую, где вам отведут место, дадут столлярный верстак или станок и все необходимые инструменты, все приборы,

—и представит вам работать сколько хотите. ”Вот вам нужные инструменты, привлекайте к своему делу друзей: если найдете нужным, содинитесь с товарищами других ремесл, или работайте в одиночку, если вам это больше нравится,—изобретайте воздухоплавательный снаряд, или не изобретайте ровно ничего — это ваше дело. У вас есть своя идея, и этого достаточно.“

Точно так же добровольцы, принадлежащие к обществу спасения на водах, не спрашивают об их звании и заслугах у матросов тонущего корабля; они пускаются в море во время бури рискуют своей жизнью среди разъяренных волн и нередко погибают сами ради спасения людей, им совершенно неизвестных. Да и к чему им знать их? ”В наших услугах нуждаются; там находятся человеческие существа, вызывающие о помощи — этого достаточно: в этом уже заключается их право на спасение. Идем же спасать их!“ Таково направление — истинно коммунистическое, проявляющееся повсюду, во всевозможных формах, в самой среде нашего общества, исповедующего индивидуализм.

Но пусть завтра какое-нибудь бедствие, например, осада города неприятелем, постигнет один из наших больших городов страшно эгоистичных в обыкновенное время,—и этот самый город решит, что, прежде всего, нужно удовлетворить потребности детей и стариков, не справляясь с услугами, которые они оказали, или окажут обществу; что нужно накормить прежде всего именно их, и что нужно заботиться о всех сражающихся независимо от ума или храбрости, которые проявит тот или другой из них; а затем тысячи женщин и мужчин будут наперерыв проявлять свое самопожертвование в уходе за ранеными.

И так, это стремление существует. Оно становится все более заметным, по мере того, как удовлетворяются наибо-

лее настоятельные потребности каждого, по мере того, как возрастает производительная сила человеческого общества; еще более делается оно всякий раз, когда на место мелочных забот нашей ежедневной жизни выступает какая-нибудь общая идея.

Можно ли после этого сомневаться в том, что когда орудия производства перейдут в собственность всех,—когда работа будет производиться сообща, а труд, который займет в обществе принадлежащее ему по праву почетное место, будет давать гораздо больше продуктов, чем требуется, — что это стремление (сильное уже и теперь) расширит область своего приложения и сделается основным началом общественной жизни?

В силу всех этих данных, а также в виду практических соображений относительно экспроприации, мы думаем, что как только революция сломит силу, поддерживающую современный порядок, нашей первой обязанностью будет немедленное осуществление коммунизма.

Но наш коммунизм не есть коммунизм фаланстера или коммунизм немецких теоретиков — государственников. Это — коммунизм анархистический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это синтез (связь) двух целей преследовавшихся человечеством во все времена — свободы экономической и свободы политической.

(Продолжение следует).

В следующем номере начнется серия ответов на возражение против Анархо-Коммунизма, написанное покойным английским товарищем Барретом.

Ред. Кол.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ.

Пора положить конец самообману, самообирательству, расточительству сил, энергии и времени.

С первого же дня нашего приезда сюда, мы стали "честно" зарабатывать себе кусок хлеба, путем продажи своей мускульной силы на фабриках, заводах шахтах, лесах, фармах, и т. д. Мы исполняли честно, с точки зрения капиталистического закона, принципы жизни, мы работали по 12 - 14 часов в сутки, в стужу и непогоду, а они также честно отбирали—принимали наши труды и производство наших рук. Потом, когда мы наготовили им много продуктов, они честно выкидывали нас с работы, заставляя нас прожить свои сбережения, (если они были), чтобы потом идти и просить милостыни у хозяина принять на работу хоть за кусок хлеба.

Так было в кризис 1913 года, такой же кризис наступает, уже есть и сейчас. Остается одно из двух: или идти "честно" работать за стачколомов—скебов, за низкую плату и тем давать другим пример нашего низкого умственного уровня, развития или идти работать опасные места, где немало погибло наших товарищей рабов; или придется идти и красть молоко и хлеб на ступеньках домов таких же рабочих, как и мы сами; или идти и просить милостыню у буржуа и в замен получить, на основании того же закона, пулю: или придется жить и прозябать, по 2-3 дня быть голодным, согнувшись в три погибели в стужу стать и с завистью смотреть в окна гостиниц и роскошных домов где наши паразиты пьют гуляют и поглощают наши потом и кровью добытые и произведенные продукты. "Голодай, чтоб они пировали", голодай, чтоб достать презрительно чашечку, или умереть покорно медленной смертью от недоедания, простуды и духоты.

Мы "честно", как скот, работали для того,

чтобы накопить все те богатства, которыми наполнены теперь все склады, кладовые и лавки.

Мы честно все свое свободное время отдавали на свою революционную работу—так, что теперь сталкиваясь лицом к лицу с кризисом, мы встречаем его не с денежными фондами, не даже, правду говоря, с профессиональной и политической солидарностью... а с пустыми руками и опущенными головами. Придет время, когда мы не только не сможем помочь нашим слабым товарищам, но и самим себе.

До тех пор, пока мы будем смотреть на все те богатства, которые мы произвели, с точки зрения хозяйского права—до тех пор мы будем прозябать, страдать и тормозить свою революционную работу.

Нужно раз навсегда выставить девиз: революционной работы—за счет средств отобранных у капиталистов. Так было в период с 1905 года в России: товарищи отбирали—экспроприировали "лишние деньги" и продукты у капиталистов и потребляли их не для того, чтобы самим сделаться такими же паразитами, а за те деньги выпускали литературу, помогали товарищам, устраивали бесплатные столовые и могли еще энергичнее отдаваться всецело освободительной борьбе. Поэтому необходимо сейчас же, на местах, приняться за следующую работу:

1) Добыча средств для революционной работы, как то: пропаганды, выпуска еженедельника, помощь политическим заключенным, фонд для приобретения разного рода орудий борьбы с капиталистическим строем и т. д.

2) Признавая, что все богатства, находящиеся в руках капиталистов, есть награбленное достояние всех трудящихся масс, что рано или поздно оно должно быть экспроприировано пролетариатом для общего пользования, поэтому, имея в основе своей работу обществен-

ного освободительного движения, мы признаем за собой право на экспроприацию нужной части тех частных богатств.

Экспроприация—наше средство добычи средств для революционной работы.

3) Признавая, что масса наших товарищей гибли и страдали, мучатся и умирают на эшафоте американской реакционно-капиталистической клики; признавая себя в то же время интернационалистами, мы также должны иметь в виду те бесчисленные расстрелы мирных жителей России, Гаити и др. слабых стран американскими банкирами, и их слугами—правительством. Наш долг вступить за них, отомстить наказав виновных и приостановить тем дальнейшие инквизиции сильными мира сего, над слабыми и подневольными.

4) На местах должны быть организованы боевые дружины, (боевые группы) членами которых должны быть люди испытанные в борьбе, а главное сильные и бодрые духом. Слабые, товарищи могут взять на себя, по способности, второстепенные дела, в которых они больше принесут пользы, нежели в экспроприации средств.

5) Дисциплина: мы признаем вольное соглашение; но и полную ответственность за свои поступки каждого члена. Член взявший на себя ту или иную задачу, должен непременно выполнить ее, в противном случае исключается из дружины. Изменники ни в коем случае не прощаются. Члены дружины работают независимо от групп пропаганды.

—0—

От Ред. Кол. Считая, что экспроприация средств на ведение революционной работы иногда необходима, мы предостерегаем тов-ей не увлекаться идеей ”экспроприации“ денежных средств, ибо часто случается (особенно при революционной неустойчивости), что тов-и отвлекаются от существенной работы, теряют свою идейность, развращаются деньгами и духовно гибнут.

Товарищи должны помнить, что экспроприацией может быть только названо такое действие, которое приближает момент великой экс-

проприации орудий и средств производства в пользование всех—Социальной революции. Экспроприация во имя экспроприации, а не личного обогащения и эгоистического самодовольства!

Пусть не грязнится идея Социальной Революции—пусть не запятнано будет имя революционера.

—0—

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Стефан Жук. Виленской губ. Оштинского уезда, Венецкой волости дер. Ретьки, попавший в воровстве кур в руки полиции был арестован в г. Дынори Па. Предвидя свое наказание за это и желая спастись, он предложил полиции в замен себя выдать двух товарищей, которых он знал, состоя с ними раньше в С. Р. Р. в 1919 году в г. Дынора. На что полиция согласилась обещая его освободить. С. Жук, не медля, выдал двух тов.: С. Г. Честякова и Сергеенка которых полиция сейчас же арестовала и избивала до полусмерти а после семи месяцев истязаний они были депортируемы на пароходе ”Бофорд“ в Россию. Поэтому предупреждаем всех тов остерегаться и недопускать в свои рабочие ряды таких низких и, несознательных людишек.

Гр. А. К. Питсбургского района.

ОТЧЕТЫ.

О Т Ч Е Т.

А. К. Гр. г. Д. от 5-го Янв. по 28 фев. 1921 г.

Приход:

"Переходная сумма на январь	76.97
"За 4 кн. Маккая от т. П. Кукл.	5.40
"3 книги Речи Бунтовщика от тов. К.	3.00
"Добр. пожерт. от тов. П. Кукл.	10.00
"За "В" № 11 от т. Н. Н.	40.00
"От бала сост. в (Сошел Торн. гол.)	210.69
"Получ. взаимообр. от т. Докучица	75.00
" " П. Мороза	100.00
" " А. Ком-ва	125.00
"Пожертв. на "В" тов. С. Журавлев	5.00
"Получено от Проф. Союза	12.97
"За "В" № 10 от тов. Н. Н.	22.55
" " № 9-10 —	12.40
"От тов. Морозова.	13.05
"От литер. Ком. получено	26.52
" " "	136.70
"По чек. кн. собр. т. докуч. за № от 3101 по 3129 А.	18.65

Итого— 893.90

Расход:

За то же период.

"Выслано на "Св. О-во" на англ. яз.	50.00
"Выдано дел. в КЛ—нд.	5.39
"За перевозку "В"	7.65
"На изд. "Госуд. и его роль в ист."	350.00
"Выдано вз. обр. тов. Сав—ну	50.00
" " П. Бер—ву	50.00
" " И. Усатому.	25.00
" " Т. Куе—ву	25.00
" " А. Ко—ву	25.00
" " П. Кук—ву.	25.00
"Упложено товв. в Чикаго	10.00
"Виревка для упаковка литер.	45
"Выдано взаимообразных тов. Жуков.	30.00
" " Докучицу	75.00
" " А. К—ву	26.52

" " П. Морозову 100.00
 "Расход за фев. и пер. лит. и "В" 30.50

Итого— 885.51

Составляется на Март 8.39

ПРИМЕЧАНИЕ: НЕ ВОШЛИ В ОТЧЕТ...

Жертв. по- 5.00 2303; по 2.00—2318; по-1.00 2304, 2309, 2315, по 50 с.- 2301, 2302, 2305, 2306, 2307, 2308, 2313, 2314, 2315, 2322, 2323; По 25 с. - 2310, 2311, 2317, 2320, 2321; По 10 с. 2312, 2319, и 5с. 2324.

Всего собрано— 17.00

Прислана чековая книжка из Сеатл Ваш., А. Р. Жертвовали: № № 610,—1.00. По 3.00 602, По 2.00— 603, 605, 607. По 1.00 604, 606, 608 и 609

Всего— 23.00

И добровольных пожертвований 17.50

Всех— 57.50

Р. Секретарь К.—Н

ОТЧЕТ РАЙОННЫХ СЕКР. гор. НЬЮ ИОРКА И НЬЮ АРКА.

Приход от тов. Б—ка за журнал "В" 133.24
 За литературу — — — — — 45.50
 Расход от Нью Йорского района по ж. "В" 3.24
 По литературе — — — — — 23.35

Чистого прихода по "В" — — — — 130.00

" "по литературе — — — — 22.15

За "В" деньги внесены в Ф. А. К. Г. За литературу деньги не получены, но обещано внести при первой возможности -- 22.15

Ревиз. ком.: П. Ч. и К.

НУАРК. Общий приход от 27 ноября 1920 г. по 5-е марта 1921 г.

Приход— — — — — 194.10

Расход — — — — — 185.63

Остаток.. — — — — — 8.47

Ревиз. ком.: М. Л—ов и Н. Б—ов

**ОТЧЕТ ФЕДЕРАТИВНОГО КАССИРА ОТ
1-го Апреля по 1-е Мая 1921 года.**

Приход от выручки ”В“.

От старой Ред Кол. принято	231.69
Из г. Гат—да за № 14 ”В“	10.50
” ” О—е шт. за ”Св. О-во“	15.50
” ” Дет-го район за ”В“	100.00
” ” Брид-т за ”В“	7.00
” ” Нью Г-ен за ”В“	44.40
” ” Гат-д за ”В“	10.50
” ” Брид-т за ”В“ № 15	9.75
” ” Бринд-т за ”Св. О-во“ № 3	9.15
” ” Нью - рк за ”В“	42.10
” ” Нью - рк за ”Св. О-во“	35.00
” ” Бал-ре за ”В“ №№ 9-10	36.80
” ” Бал-ре за ”В“ №№ 12-13	20.40
” ” Бал-ре за ”В“ № 14	21.90
” ” Вим-тон за ”В“	3.75
” ” Эмб-ч за ”В“ № 14	20.25
” ” Чес-р за ”В“ № 16	14.70

Итого 633.44

ДОБР. ВОЛ. ПОЖ. В ПОЛЬЗУ ”ВОЛНЫ“.

” ” Из г. Нью-рк от тов. П. К.	1.00
” ” ” Бал-ре В. П.	5.00
” ” ” Бал-ре Н. С.	10.00
” ” ” Бал-ре ”Дж.“	1.00
” ” ” Бал-ре И. К.	1.00
” ” ” Бал-ре Е. Ш.	2.00
” ” ” Бал-ре И. М.	1.00
” ” ” Бал-ре из груп. кассы	90

Итого 21.90

РАСХОД ПО ИЗДАНИЮ Ж. ”ВОЛНЫ“.

” ” Наборщику за № 16	70.00
” ” Изданию резолюций 3-го Ф. С.	27.00
” ” Рассылка резолюций	86
” ” Проезд ликвидац. ком. лит. гр.	18.00
” ” Бумага для перевода статей	1.10
” ” Почтовые расходы.	5.70
” ” Две записные книги	45
” ” Веревка для упаковки	1.30

” ” Трамвайные расходы	3.00
” ” Проезд в Нью Йорк 2 раза	20.00
” ” Печать и бум. на № 16 ”В“	160.00
” ” Польз. наборн. машин	20.00
” ” Два чемод. для пересылки ”В“	2.00
” ” Эксп. за доставку ”В“	2.00
” ” Рассылка ”В“	6.00

Итого— 338.01

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИХОД.

Ото старой Ред. Кол.	451.50
” ” Брид-та	81.06
” ” Ф. С. Ка-да на изд. литературы на английском языке.	220.00

Итого— 573.56

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАСХОД.

На издание книги Эльцб. бум. и печ.	390.00
” ” Коректура.	35.00
” ” Переплет	230.00
” ” Упаковка	8.00
” ” Отправка на станцию	5.20
” ” Экспресс за доставку на место	12.00
” ” Проезд в Нь-рк по делу ”Эльцб.	10.00
” ” Выд. на изд. лит. на англ. яз.	220.00

Итого— 910.20

ИТОГИ.

” ” Приход по ”Волне“.	655.34
” ” Расход по изданию ”В“ № 16	338.01

Остается— 317.33

” ” Литературный приход	752.56
” ” ” Расход	910.20
” ” ” Дефицит—	157.64

К 1-му мая в кассе остается 159.69

Проверено ревизионной комиссией.

Н. П.

Н. Ш.

Примечание: В литературном приходе № 16 поставлено ”От Бал мор. 331 д.“ нужно читать: от стар. фед. С. Р. Р. — 331.00

